

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**Сумасшедший
день**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов
Сумасшедший день

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Сумасшедший день / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2022 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-189022-3

В дежурную часть МВД поступила серия странных и, казалось бы, не связанных между собой заявлений. В одном свидетель рассказывал, как на протяжении нескольких месяцев один и тот же молодой человек входил утром в метро и выходил оттуда спустя всего несколько минут. В другом заявительница жаловалась, что в соседней квартире проживает слишком много незнакомых дам: брюнетка, блондинка, рыжая. В третьем помощник депутата заявлял, что его ограбили в баре на очень крупную сумму... Полковник Гуров взялся разобраться со всеми эпизодами, еще не предполагая, что все они тесно связаны между собой и представляют для него смертельную опасность... Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189022-3

© Леонов Н. И., 2022
© ЭКСМО, 2022

Николай Леонов, Алексей Макеев

Сумасшедший день

© Макеев А.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

– Ты не герой, ты – бактериологическое оружие! Немедленно вон из дежурной части! Колодин, обработай после него все! Прямо в воздух распылай антисептик! И окна, окна открой!

– Зима же, товарищ генерал, холодно... – пробасил дежурный.

Только генерала Орлова уже было не остановить. В обед начальник Главного управления уголовного розыска МВД России генерал Петр Николаевич Орлов, как обычно, хотел прогуляться до соседнего здания, где расположилось уютное кафе с ежедневными бизнес-ланчами, куда он ходил обедать вот уже больше пяти лет. Для него это стало своеобразным ритуалом, помогающим на час отвлечься от высокого рабочего напряжения, забыть об убийствах, грабежах и других страшных преступлениях, расследованием которых занимались его оперативные работники или, как они сами себя называют, опера. Генерал точно знал: если сегодня он неспешно прошелся по улице, вдыхая с удовольствием свежий воздух, с аппетитом, не торопясь, пообедал, то отдел работает как отлаженный часовой механизм. Оперативники и следователи распутывают тяжелые преступления, находят преступников, собирают доказательную базу для передачи дела в суд.

Но в этот день на выходе Орлову в глаза бросился новенький, лейтенант Максим Черновец, который сегодня заступил на свое первое дежурство в качестве оперативника. Петр Николаевич только хотел было поинтересоваться у парня, как прошла первая половина дня, как в ужасе отшатнулся. Молодой сотрудник выглядел просто кошмарно: бледное лицо, набухший нос, отекавшие глаза с красными воспаленными веками. Черновец заходился в страшном кашле, пытаясь что-то написать в своих бумагах. Медицинская маска валялась ненужным голубым лоскутом на столе дежурки. От увиденного Орлов взорвался мгновенно. Новая болезнь выкосила этой осенью за неделю больше половины его отдела. Теща, а потом жена успели тоже полежать в инфекционной больнице, да и сам он очень тяжело перенес коронавирус, практически две недели проведя дома в страшном изнеможении. Явно больной парень вызвал у начальника приступ ярости, подобное геройство – работать с температурой и признаками уже начавшейся болезни – Орлов считал глупостью, которая принесет больше проблем, чем результата. Поэтому на обед в любимое кафе начальнику управления сегодня было не суждено попасть, вместо часа отдыха пришлось срочно отправлять домой заболевшего дежурного.

– Черновец, табельное сдавай – и домой, врача на дом вызовешь. И маску надень! Выходи бегом! Колодин, ты тоже маску надевай!

– Неудобно, товарищ генерал, лицо потеет, – упрямылся дежурный.

– Ты в больнице хочешь потеть от температуры?! Тысячами люди умирают, Колодин! Мне маску тоже давай! Чтобы проветривал тут не меньше часа!

Петр Николаевич поспешно натянул маску на лицо, прикрыл тщательно нос и рот. Дежурный тоже натягивал резинки маски на большие оттопыренные уши, на его круглом лице медицинская защита смотрелась куцым лоскутом.

– Петр Николаевич, а кто тогда вместо Черновца? Кто дежурить будет?

Орлов и сам уже понимал, что пообедать сегодня не удастся, надо срочно искать замену заболевшему новичку. Но кого? Он мысленно принялся перечислять всех своих сотрудников:

«Станислав Крячко – в командировке в Санкт-Петербурге, куда его отправили в помощь местным операм по громкому делу о морской контрабанде; еще двое парней только завтра выйдут наконец после болезни на работу; у Матросова серия по предполагаемому маньяку, и сегодня весь день он на опознаниях свидетелями подозреваемого, Головченко мотается по Подмосквовью за сбором улик в районных больницах, куда попали жертвы недобросовестного врача. Кто же еще остался? Макаров в отпуске, кажется, не в Москве. Сейчас наберу ему, может, уже успел вернуться. Ну и денек, еще только обед, а уже голова кипит».

За печальными размышлениями генерал сам не заметил, как добрался до своего кабинета на втором этаже. Здесь уже разгорался новый скандал. Его секретарша Верочка вцепилась в ручку двери, не пуская крепкую старуху, что навалилась всем телом на деревянную створку.

– Ждите в коридоре, женщина, начальник на обеде. Это во-первых! А во-вторых, заявления принимает дежурный! Это на первом этаже, спускайтесь и пишите там заявление на вашу соседку!

– Я тебе «не пушу»! Я тебе устрою, президенту на тебя пожалуюсь! Там вертеп! Их надо разогнать, мешают мне! Проститутки! – верещала старуха, отталкивая Верочку, чтобы проникнуть за дверь с табличкой «Начальник оперативно-разыскного отдела Управления уголовного розыска МВД генерал Орлов П. Н.». – Пусти меня к начальству, я вас знаю всех как облупленных, без начальства никто пальцем не пошевелит. Заявление мое выкинете, а мне страдать от этих дряней! Я уже писала участковому, каждую неделю к нему хожу, а он пальцем не пошевелит. Знаю я вас всех!

– Прекратите! Вы как здесь оказались? – Петр Николаевич попытался встать между растрепанной секретаршей и упрямой старушенцией.

Та фыркнула, ни капли не смутившись:

– Ногами пришла, я через три двора от вас живу. Жалобу мне надо написать, у меня вертеп в соседней квартире, девки разряженные шныряют каждый день туда-сюда! Прекратить это безобразие надо, прямо под носом у вас бордель, а вы сидите по кабинетам. И эта меня еще не пускает. Вот, палец прищемила!

Пенсионерка продемонстрировала вполне целый палец со старой зажившей царапиной, Верочка возмущенно воскликнула:

– Да я до вас даже не дотронулась. Это вы дверь чуть не сломали, так пихались!

– Ничего я не трогала, – взвыла старуха и на всякий случай отскочила подальше от двери. – И не ломала! Это ты сломала! Вон бока какие наела, никакие двери не выдержат!

Верочка от такого оскорбления вспыхнула, так как она действительно была полновата и боролась со своими килограммами, отчаянно отказываясь от любимых конфет или пирожных за чаем. Глаза женщины опасно увлажнились, посетительница попала точно в ее больное место. Петр Николаевич мысленно застонал: «Что за сумасшедший день! Остался голодным, новая волна коронавируса в отделе, а тут еще и скандальная посетительница, и женские слезы, которые страшнее, чем матерые преступники. С ними хотя бы понятно, как надо действовать!» Ему надо срочно обзванивать сотрудников, выдергивать кого-то из отпуска или с больничного на дежурство по отделу до утра, а тут на его голову свалилась скандальная пенсионерка.

– Петр Николаевич, помощь нужна?

От ровного голоса за спиной генерал мгновенно выдохнул, а женщины затихли: Верочка перестала плакать, пенсионерка – возмущенно кричать. За спиной генерала спокойно ждал ответа оперуполномоченный по особо важным делам Лев Иванович Гуров. Он давно уже привык к такой реакции людей на свое появление, хотя и не было ничего в его фигуре угрожающего или пугающего. Высокий, крепко сложенный, чуть за сорок, сдержанные манеры и негромкий голос. Но было в нем что-то такое надежное, успокаивающее, от чего свидетели начинали рассказывать все, что видели, закоренелые преступники выдавали свои тайны, у потерпевших появлялась надежда на справедливое возмездие.

– Да, Лев Иванович, отведи, пожалуйста, заявительницу в дежурную часть на первый этаж, пускай там заявление напишет.

Пенсионерка тут же возмутилась:

– Никуда я не пойду, ваш дежурный уже меня послал куда подальше! И участковый туда же!

Орлов снова почувствовал, как внутри поднялась волна злости. Хотя здесь ничего не попишешь, не может он прикрикнуть на посетительницу, даже если она явно не в себе, по званию и должности не положено. Даже в полумраке коридора Гуров понял, что начальник сейчас готов взорваться. Убийный отдел занимается тяжкими преступлениями, убийствами, изнасилованиями, грабежами, мошенничествами или кражами в крупных размерах, вряд ли пенсионерка пришла с такой проблемой. Скорее всего, просто проскользнула мимо дежурного на посту, воспользовавшись суматохой из-за санитарной обработки, что сейчас шла полным ходом в дежурке. Заявителей встречали густой запах хлорки и ворчащая уборщица, которая обтирала все поверхности среди валящих из окна густых паров зимнего воздуха. Дежурный, который бегал от звонящего телефона к клетке с задержанными и обратно в коридор, успел уже пожаловаться оперу на то, что управление сегодня страдает по вине новичка от едких ароматов дезинфекции и кадрового голода. Посетители идут, а принимать их некому.

Поэтому Гуров поспешил вмешаться:

– Я оперативник по особо важным делам, полковник полиции Гуров, можно Лев Иванович. Товарищ генерал сейчас занят, у него важная работа. А я могу с вами поговорить, давайте дойдем до моего кабинета, вы мне расскажете подробно, что произошло. А я уже подскажу вам, какое заявление и куда написать, чтобы проблема ваша точно была решена.

Из своего многолетнего опыта Лев знал, что некоторым скандалистам, на первый взгляд упрямым и злобным, просто необходимо внимание: выслушать, посочувствовать, дать совет. Особенно часто этим грешат старики, которым скучно сидеть дома, и они борются таким образом с нарушением общественного порядка, мелкими хулиганами, жалуясь во все инстанции подряд. Только Гуров знал и то, что вот эти непоседливые скандалисты оказываются часто важными свидетелями, так как наблюдают за жизнью всех жильцов в доме, запоминая любые факты. Иногда мелкой детали достаточно, чтобы раскрыть крупное преступление. Потому оперативник решил побеседовать со старухой, чтобы та успокоилась и отстала от генерала и его секретарши, при этом он всего лишь потратит на нее полчаса времени.

Пенсионерка окинула внимательно всю фигуру опера и согласно кивнула:

– Ну хорошо, если по важным делам. У меня очень важное.

– Тогда прямо и направо, в мой кабинет. Вас как зовут?

– Нинэль Гавриловна Бойко, – важно представилась женщина и зашагала наконец в указанном направлении.

Лев за ней не спешил, повернулся к генералу и вполголоса предложил:

– Не переживайте, Петр Николаевич, я отдежурю до утра. Тут осталось вечер да ночь. Перед выходными тихо обычно, еще никто начудить не успел. Как раз со своими бумагами разберусь, документы по Ерошину подготовлю все на понедельник.

На его предложение Орлов с облегчением вздохнул и махнул ладонью вслед – хорошо. Бросил взгляд на часы – он еще успеет пообедать.

* * *

В кабинете Гуров не спешил, подвинул посетительнице стул, приготовил для себя лист чистой бумаги и ручку для записи, вдруг расскажет что-то интересное. Да и он всегда делал пометки во время разговора или размышлений, так мысли словно выстраивались в цепочку, становились более четкими, облекаясь в слова. Он по своему характеру был неспешен, все-

гда сосредоточенно и планомерно разматывая по ниточке каждое свое дело, поэтому и заслужил славу профессионального разыскника, которому дело любой сложности по плечу. Тем более куда ему торопиться? Коллега и многолетний приятель, оперуполномоченный Станислав Крячко, в командировке. Жена Мария, театральная актриса, уже вторую неделю на гастролях. И свалившемся на него дежурству Гуров был даже рад, так как без Марии в пустой квартире ему было невыносимо тоскливо и одиноко. Он и сам уже подумывал, по какой причине бы ему поработать в пятницу в отделе, чтобы времени вечером только и осталось, что прийти домой и после душа лечь спать. Даже ужин без жены, без ее рассказов о закулисных интригах, без веселых и грустных историй с актерами, курьезами во время спектаклей, вставал ему поперек горла. Вот поэтому сейчас Лев Иванович, испытывая в глубине души облегчение, с готовностью настраивался выслушать рассказ старухи, а потом заняться остальными рутинными делами дежурного по отделу оперуполномоченного. Пожилая женщина поерзала на стуле, устраиваясь поудобнее, и принялась подробно излагать свою историю:

– Соседка новая заехала полгода назад в квартиру ровно напротив моей. Я вот тут от вас живу, в трех дворах ходу, в двенадцатом номере, первый подъезд, третий этаж.

«Сталинский крепкий дом, где раньше давали квартиры партийным бонзам», – вспомнил серое здание Гуров и незаметно прошелся взглядом по одежде визитерши. Шубка из норки, замшевые сапожки, массивные украшения на пальцах говорили о достатке. «Жена бывшего партийного работника, вернее, вдова. Судя по возрасту, вышла замуж молодой за пожилого партийца, получила в наследство квартиру в центре города, повышенную пенсию. Дети выросли или их не было, вот теперь мается от нерастраченной энергии, контролируя соседей. Поэтому настаивает на встрече с начальством, привыкла по старой памяти, что любые государственные органы – это бюрократия и без личного знакомства или взятки решения проблемы не добиться».

Пенсионерка, будто прочитав его мысли, продолжила:

– Мне квартира от мужа досталась, тоже он раньше на госслужбе у меня работал, в министерстве. – Она гордо вскинула подбородок и отследила взглядом, достаточно ли проникся уважением оперуполномоченный к ее статусу не обычной просительницы, а вдовы министерского сотрудника.

Гуров кивнул в ответ, и она продолжила, постепенно переходя на все более доверительный тон:

– Дом у нас раньше был как положено – академики, чиновники, все приличные люди и семьи. Как развалили СССР, так давай метры за миллионы разбазаривать, внуки и дети все наследство готовы потратить, что мы собирали и копили всю жизнь. Вот и заселили в дом кого попало, теперь соседи не здороваются друг с другом, консьержку посадили, лавки снесли у подъезда. Присесть негде, одни парковки да машины.

– В квартиру, про которую вы говорили, соседка ваша давно заехала? – Лев постарался вернуть рассказчицу к цели ее визита.

– Да я даже не знаю, кому сейчас квартира принадлежит. Раньше там академик Сычев проживал с женой, внук с ними жил, Алексей. Хороший такой мальчик, вежливый, в Институте атомной физики учился на кафедре у дедушки. Когда Сычев умер следом за женой, так Алеша в Америку уехал навсегда и квартиру бросил. Не знаю, продал он ее или сдал, знала бы его номер, сама бы позвонила и устроила выволочку по первое число. Куда смотрел, кто туда заселяется!

– Кто же туда заселился? – терпеливо вернул старуху к теме Гуров.

– Проститутки! Каждый вечер то одна, то другая. Разряженные, накрашенные, юбки еле зад прикрывают. Срамота! Утром топот, вечером каблуками своими стучат, покоя нет от них!

– Вы уверены? Может быть, просто студентки сняли квартиру, ну и перебарщивают по молодости с косметикой и нарядами.

Старуха аж скривилась от замечания:

– Я до замужества в гостинице «Интурист» работала кассиром, навидалась этих шалаповок, у меня на них нюх! Их сразу видно, штукатурки килограмм на морде. В холод, в дождь, в мороз в колготках, в юбчонке, еще и декольте до пупа, чтобы все вываливалось. А те, что поскромнее, глазки в пол, так еще дороже стоят, их извращенцы всякие заказывают.

Про себя Гуров фыркнул от такой осведомленности об особенностях работы жриц любви у вдовы министерского чиновника, но вслух спросил:

– Конкретно сколько человек там проживает в квартире, не узнавали?

– Да их не сосчитать. – Пенсионерка принялась загибать пальцы: – Блондинка такая кудрявая, я ее как-то раз поймала утром, идет и курит прямо в подъезде. Ведь у меня аллергия на табак, даже муж на балкон бегал дымить. Так она мне в лицо давай хохотать, дрянь пьяная. Потом рыжая с каре, эта поскромнее. Нырк из двери и бежать. И всегда на ночь глядя, ну вот куда бы девушка молодая по ночам ходила, если не мужиков ублажать? Еще ходит у них цыганка или армянка, черная вся, размалеванная.

– В квартиру вы заходили? Как вы их всех заметили?

– Так через глазок, как начинают утром или вечером каблуки грохотать, ну все понятно, с работы летят бабочки ночные. И ходят по одной ведь, по очереди работают. Я к ним каждый день хожу, стучу в дверь, ни разу не открыли, поганки. Боятся! Чего бы им бояться, если они не проститутки!

– Ну хорошо. – Гуров задумался, как же ему поступить. Если даже девушки, что живут в квартире, и правда ночные бабочки, то поймать их на нарушении закона не так-то легко, ведь нужно застать их в процессе с вещественными доказательствами – деньгами, клиентами.

– Мужчин вы видели, входящих или выходящих из квартиры?

– Нет, – старая шпионка ответила с досадой, явно огорченная безрезультатными часами дежурства у глазка своей двери.

Лев Иванович с трудом подавил вздох. Все-таки он не ошибся, старушка просто мается от безделья и ищет себе приключений, вот и нашла объект для полыхающей ненависти в виде молодых девчонок. Пускай даже они одеваются вульгарно, ведут сомнительный образ жизни, но криминала в этом нет никакого, поэтому и участковый отказал пенсионерке в проверке жительниц квартиры академика. Нет состава преступления, если говорить профессиональным языком оперативно-разыскных мероприятий. Но что же теперь делать? Настырная пенсионерка опять примется атаковать кабинет Орлова, если честно ей объяснить, что повода даже для простой проверки жильцов квартиры нет никакого. Наверняка она уже затюкала участкового своими жалобами, теперь же в управление будет ходить как на работу, доставая всех подряд. Лев Иванович так задумался, что перестал слушать свою собеседницу, лишь качая головой в такт ее жалобам:

– Участковый мне говорит, что вы, Нинэль Гавриловна, работать мешаете своими сплетнями. А я ему на то: ведь вашу работу делаю, борюсь с неблагонадежными элементами в нашем доме. Нет чтобы спасибо сказать, он меня чуть ли не вытолкнул из кабинета. Кого понабрали в участковые?! Вот раньше они здоровались и всех жильцов поименно знали, кто академик, а кто на таможне работает. Молодым же лишь бы в кабинете сидеть, в компьютере тыкать. Это разве работа? Так, штаны протирать.

– Хорошо, Нинэль Гавриловна, – опер наконец придумал, как хоть ненадолго уgomонить подозрительную активистку. – Арестовать или предъявить обвинение в распутном образе жизни мы не можем, маловато информации. Ведь ночные бабочки с клиентами работают, а вы ни одного мужчину рядом с квартирой соседей не видели.

– Так проследить за ними надо, – пенсионерка, казалось, сама готова прямо сейчас приступить к розыскным мероприятиям и следить лично за каждым шагом разбитных соседок.

– Давайте поступим так: я сегодня зайду в соседнюю квартиру и проверю у них документы – паспорт и прописку. В случае нарушений сразу передам информацию участковому. Он уже будет заниматься их выселением, если окажется, что квартира используется не по назначению.

Пенсионерка сморщилась недовольно, но, видимо, остатки разума ее не покинули совсем, поэтому только уточнила суровым тоном:

– Во сколько с проверкой придете?

Лев Иванович прикинул свое расписание на сегодня: пока разберет дела, которые утром выпали заболевшему дежурному, потом со своими документами поработает пару часов. Сейчас еще рабочий день, хоть и пятница. Поэтому потоком идут в управление запросы из разных ведомств, на которые тоже должен готовить сводки дежурный опер из СОГ.

– В девять зайду, чтобы точно дома застать ваших соседей.

– Поздно, – поджала Нинэль Гавриловна и без того тонкие губы. – В девять их уже след простыл, с восьми до девяти всегда дома. Музыка орет, марафет наводят перед работой.

Гуров снова усмехнулся про себя: а бдительная пенсионерка не отлипает от дверного глазка, каждую минуту расписания соседей выучила. Сам же согласился послушно:

– Хорошо, тогда в восемь буду в вашем доме.

– Буду ждать! – К счастью, назойливая визитерша поднялась и направилась к выходу.

Гуров пошел ее проводить, чтобы не надумала бродить по коридорам или опять досаждать Верочке или Орлову. По пути на первый этаж пенсионерка все болтала и болтала, выдавая скопившиеся мысли по поводу гуляющих соседей:

– Целая банда этих девиц, и хитрые какие, ведь ни разу я их вместе не видела. Всегда по одной на свои потаскушки бегают, скрываются. Думают, что я дура и не пойму, что в квартире орава целая проживает. Алексей-то в своей Америке может и не знать, кому квартиру сдал. Одна платит, а семеро живут. Ему оттуда не видно, только я все примечаю. Кто во сколько домой вернулся, мусор в каких пакетах выбрасывает, кто любовницу водит, пока жена в больнице. И записываю, чтобы не забыть, в тетрадку, у меня все строго по датам. Когда придете с проверкой, то я вам ее покажу, сами увидите, что там у нас за сумасшествие творится! Превратили приличный дом в бордель!

Наконец настойчивая жалобщица удалилась, и день потек своим чередом. Гуров с удовольствием нырнул в рутинную работу дежурного оперативника. Он давно уже занимался только уголовными делами с особым статусом важности, когда за преступником числилось огромное количество жертв или серия злодеяний растянулась по обширной географии всей России. Генерал Орлов знал, что этот оперуполномоченный справится с любым заданием, так как есть у Льва, помимо опыта, охотничий азарт, когда собрать из отдельных кусочков цельную картину преступления становилось для него смыслом жизни. Поэтому, в отличие от коллег, которые уже давно осели в кабинетах на высоких руководящих должностях, полковник Гуров по-прежнему занимался оперативно-разыскной работой: искал преступников, опрашивал свидетелей, разыскивал улики и к кабинетной работе не стремился. Не лежала у него душа к перебиранию бумажек и написанию отчетов. Хорошо, что жена со временем смирилась и приняла его любовь к профессии, терпеливо сносила все тяготы жены опера – полное отсутствие расписания, опасность нарваться на удар, нож или пулю от преступника. Каждый раз, когда Лев в своем кабинете начинал делать пометки, рисовать схемы в блокноте, не замечая ничего вокруг, она сразу понимала: он получил новое интересное дело, до сути которого хочет докопаться. Поэтому Гурову так приятно было окунуться в высокий темп работы дежурного оперуполномоченного. Звонки, выезды на место преступления, общение со свидетелями и пострадавшими. Все это происходит очень быстро, потому что следственно-оперативная группа в составе следователя, опера, эксперта еще не успевала вернуться с одного вызова, как в дежурную часть прилетела новая информация или заявление от потерпевшего. На повестке дня к

обеду у него числилось: пропавший вместе с экскурсионным автобусом целый класс гимназистов элитного лицея, информация о массовой поножовщине на одном из оптовых рынков и сигнал о недавно освободившемся криминальном авторитете, который по старой памяти устроил гулянку в одной из саун и, видимо, перебрал с алкоголем, заявил о минировании помещения.

Автобус с детьми нашелся: оказалось, что водитель просто сбился с пути из-за навигатора и плутал по Подмосковию, выбираясь по забитым дорогам обратно в центр. Водителя все-таки пришлось оставить в отделе, заперев в клетке, чтобы опросить и закрыть несостоявшееся дело. А еще чтобы его не растерзали разъяренные перепуганные родители, которые в панике уже несколько часов метались вокруг управления, пытаясь вызнать у первоклашек по телефонам, не угрожает ли им дяденька за рулем и куда он увез детей. На рынке Гуров кое-как уговорил разгоряченную толпу назвать зачинщиков драки и увез их в отделение, чтобы завтра следователь мог начать проводить допросы. Пострадавших распахали по «Скорым» и развезли по больницам, чтобы зашить и перевязать раны. Старый преступник появления оперативной бригады не дождался, уснул богатырским сном, чем и воспользовались работники сауны. Они спеленали его, словно младенца, в простыни и в таком виде сдали стражам порядка. Теперь он пугал своих соседей по клетке для задержанных мощными руладами храпа. Только в половине девятого Лев понял, что от усталости у него кружится голова, а желудок заходится в голодном урчании. Он уже зашел в киоск с выпечкой и пловом, который держал старый узбек Алишер, когда внутри словно звоночек брякнул – вот дом, куда он сегодня обещал зайти, светится желтым теплом окон в серых зимних сумерках. Лев сунул купюры старику в руку, подхватил упаковку с пловом и заторопился к подъезду.

Консьержка на первом этаже дремала в своей будочке под бормочущий телевизор, поэтому оперативник без задержек прошел на нужный этаж. По мелькнувшему свету в глазке понял, за какой дверью наблюдает уже, скорее всего, не первый час сегодняшняя визитерша, и постучался в дверь напротив. Тишина. Хотя в глубине квартиры негромко играет музыка.

– Добрый вечер, старший оперуполномоченный Гуров. Откройте, пожалуйста, мне надо вас опросить.

Дверь с мягким чавканьем приоткрылась. На Гурова смотрело милое личико девушки лет 18 в больших роговых очках, из-за толстых линз глаза казались огромными голубыми вишнями навывкате.

– Здравствуйте.

– Добрый вечер еще раз. Вы здесь проживаете?

– Да, я. А что случилось?

– Небольшое происшествие у соседей, мне надо всего лишь посмотреть ваш паспорт и отметить, слышали вы шум или крики днем.

Он достал служебное удостоверение, поднес поближе к толстым очкам:

– Вот, пожалуйста, чтобы вы не беспокоились.

Девушка уже снимала цепочку:

– Проходите, проходите.

Как только он шагнул в светлую прихожую, декорированную дорогим диким камнем, девушка рассмеялась вдруг звонко:

– А я уже подумала, что опять соседка долбится. Она, как по часам, у меня под дверью караулит, все выискивает что-то. Даже не знаю, за что она меня так невзлюбила. Так что от меня требуется? Паспорт?

– Да, покажите, пожалуйста, я зафиксирую ваши данные.

Он почти ее не обманывал, так и действуют обычные опера, проводя поквартирный опрос, когда ищут свидетелей, которые могли слышать крики жертвы или удары преступника. Единственная ложь была в том, что в подъезде сталинки ничего не произошло, Гурову всего лишь надо было узнать данные юной особы, что проживала в квартире.

Девушка вытянула из сумки, висящей на настенном крючке, паспорт в яркой обложке и отдала ему в руки. Лев пролистнул страницы, записал себе в блокнот: Банина Алиса Борисовна, 20 лет, прописка и место проживания совпадают.

– Снимаете или в собственности жилье?

Ответ он знал, но немного тянул время, чтобы присмотреться к квартире и ее хозяйке.

– Квартира моя, – легко кивнула Алиса и уточнила: – А что случилось? Надеюсь, ничего страшного?

– Извините, рассказать не могу, закрытая информация, – Гуров улыбнулся с максимальным обаянием. – Вы утром часов в шесть были дома? Слышали крики или шум на верхних этажах?

– Я крепко сплю, тем более в такую рань.

– Устаете на учебе? – новая улыбка, Гуров протянул назад паспорт и неловко задел сумку плечом, отчего та упала на пол, высыпав все содержимое. – Ох, извините, как медведь у вас тут. Натоптал, уронил. Давайте помогу.

Опер присел рядом с девушкой на корточки, помогая собрать вещи. Пудреница, расческа, губная помада, ключи от машины, россыпь визиток – ничего криминального или подозрительного. Даже презервативов, неизменного атрибута ночных жриц, не было.

Алиса нисколько на его неловкость не разозлилась, наоборот, рассыпалась звонким смехом, напоминаям серебряный колокольчик:

– Вы вовсе не медведь, очень даже приятный мужчина. Совсем не похожи на полицейского, скорее на преподавателя. Устаю, да. Я еще учусь, студентка, и подрабатываю немного.

От ее комплимента Лев зарделся, не зная, что сказать в ответ. Смущенно откашлялся:

– Простите, что побеспокоил, работа такая.

– Ничего страшного! Вы, наверное, ужасно устали вот так ходить по квартирам, ведь вечер уже, темно! Опасная у вас работа! И такая важная!

За толстыми стеклами голубые глаза смотрели на Гурова с восхищением, так что он почувствовал себя настоящим рыцарем без страха и упрека, а не уставшим оперативником.

– Вы одна живете? Может быть, кто-то утром в квартире еще был и мог слышать шум?

На вопрос на нежных щеках выступил румянец.

– Ко мне иногда только подружки приходят. Жениха нет.

– Спасибо за помощь еще раз.

– Не за что, мне так скучно бывает дома одной над лекциями сидеть. Было приятно с вами поболтать. Надеюсь, вы всех преступников поймаете. Вы точно такое умеете.

Алиса тепло улыбнулась. Мельком бросив взгляд в глубину квартиры, оперативник распрощался и вышел на площадку. Тотчас же приоткрылась дверь напротив и оттуда замахала Нинэль Гавриловна:

– Товарищ оперативник, ну давайте же быстрее, сюда ко мне проходите.

Опер шагнул во вторую квартиру, досадуя на себя, что просто теряет время. Старуха явно ошиблась, Алиса выглядела обычной студенткой, скромной и милой. Юная девушка показала оперативнику даже немного наивной в своем восхищении его работой. Никаких признаков борделя: светлая квартира, где он успел заметить за приоткрытой дверью не гигантскую кровать для любовных утех, а обычный диван и рабочий стол с компьютером, телевизор на стене. В прихожей три пары обуви, одни туфли действительно на каблуках, объемная дамская сумка, куртка и дубленка. Совсем не похоже на жилье, где проживает куча девиц. Он бывал на задержании в домах, переделанных в бордели. Там в каждой комнате стояла огромная кровать, шкафы ломились от нарядов и вызывающих костюмов для ролевых игр с клиентами. Свечи, плетки, презервативы и множество алкоголя во всех комнатах. Девочки ночью пили и ублажали мужчин, а днем отсыпались, поэтому к моменту появления оперативников в квартире был ужасный бардак из раскиданной одежды и пустых бутылок. Квартира Алисы даже

отдаленно не напоминала те жилища. Теперь ему было вдвойне неприятно, что все домыслы старухи оказались напрасными, но по-прежнему приходилось терять время, чтобы Нинэль не закатила новый скандал. Она сунула ему древнюю потрепанную тетрадь, где крупным почерком была отмечена дата и далее шли записи о передвижениях и событиях в подъезде с указанием номеров квартир. Женщина листала лихорадочно страницы и бубнила:

– Вот смотрите, 20-го числа рыжая приходила, а 21-го уже цыганка заявила, потом три дня тишина, а дальше, вот как к выходным ближе, так они одна за другой. 25-го блондиночка, 26-го новенькая явилась, такая, с кудрями, как у негра, первый раз ее видела. Дальше смотрим, 27-го утром снова блондинка.

Гуров почти не замечал ее бубнежа, прислушиваясь к своим ощущениям. Ему было приятно общение с Алисой и ее восхищенное внимание. Оттого, что девушка была такой скромницей, ее комплименты произвели впечатление искренних. Сложившаяся картинка никак не совпадала с рассказами подозрительной соседки, так что теперь Гуров смотрел с сомнением на все эти записи в тетради: а не бред ли это сумасшедшей и спасать надо бы уже соседей? Мало ли что привидится странной вдове – голоса в голове, инопланетяне ли прикажут убить соседку за выдуманный разврат. Он про себя решил, что завтра же свяжется с местным участковым и обсудит, как бы назначить опеку над женщиной, пока не случилось непоправимой беды. Сейчас пора прощаться, его ждут рабочие дела. Тон у Гурова стал суровым и деловым:

– Хорошо, я данные вашей соседки проверил, все в порядке. В квартире она одна находится, признаков борделя нет. Спасибо за сигнал, но он не подтвердился. К вам еще зайдет участковый для разговора. Это все, что могу для вас сделать.

– Как не подтвердилось?! – возмущенно закудахтала пенсионерка и потрясла толстой тетрадью. – А это что? Вот же все доказательства.

– Доказательства несуществующего преступления. – Лев Иванович умел быть жестким, когда это требовалось. – Я вашу информацию проверил и подтверждений не нашел. Поэтому никаких заявлений принять не могу. Кстати, предупреждаю вас, что за ложный донос существуют уголовная статья и наказание в виде штрафа. Если мы зафиксируем ваше обращение документально, то после проверки участкового суд может счесть ваше заявление именно ложным обвинением соседки в проституции, так как никаких улик противозаконной деятельности нет. Надеюсь, что вы меня поняли.

Старуха задохнулась от возмущения, и одновременно Гуров отчетливо увидел страх в ее мутных от старости глазах. Она молча пихнула дверь, показывая, что больше не желает его видеть. Лев Иванович кивнул в качестве вежливого прощания и перешагнул порог. Спускался он на первый этаж с неприятным ощущением множества взглядов, которые, как тяжелое одеяло, легли на плечи, ему казалось, что вслед смотрят в глазки всех дверей.

Внизу консьержка, очнувшись от дремоты, теперь принялась за вязание. Она добродушно кивнула Льву:

– Добрый вечер. В гости приходили в наш дом? Аккуратно, на улице скользко.

– Спасибо, и вам добрый вечер. Да, забегал по жалобе вашей жилички, Бойко Нинэль Гавриловны. Знаете ее?

– Ой, как не знать. – Благодушное настроение работницы мгновенно пропало. – Она уже тут всем плешь проела, как начнет жаловаться, как начнет. И все-то у нее плохие. Я вот сплю на работе да чай гоняю, электричество жгу бесплатно. Хотя глаз не сомкнула ни на минутку с самого утра. Чай приходится горячий пить постоянно, потому что зябко на рабочем месте. Уже и жилетку наденешь, и носки, а все равно к вечеру-то без движения все немеет. Потом домой иду и ног-рук не чую.

– Вы до сколько здесь работаете? – перевел тему опер.

– С девяти до девяти сижу, пока еще день. Потом кого сторожить? Тут половина квартир старики, как Нинэль, если кто и новенький – так приличный, метры-то дорогие в центре, пьяницам всяким не по карману.

– Здесь вы правы, – поддакнул ей Лев. – Хотя я видел сейчас молодую девушку в квартире напротив Бойко.

– Алисушку-то? Ой, она у нас умница. Учится, работает. Такая скромница, всегда здорова, спросит про здоровье. Мужиков не таскает, не пьет, не курит. Золотая девчонка.

– Да вроде пожаловалась Бойко, что к Алисе подружки какие-то все ходят разбитные. Может, в тихом омуте черти водятся?

– Да что вы, – замахала руками консьержка и перешла на шепот. – Я вижу, вы человек хороший, так и быть, расскажу. Алисушка маникюр на дому делает, подрабатывает немножко, студентке каждая копейка важна. Вот и ходят к ней девицы разные ногти делать, может, и бывают такие... разодетые, так деньги у всех одинаковые. Станет носом крутить, без работы останется. Вы уж только нашей гримзе не рассказывайте, она тогда совсем Алисушку замучает, жалобу накает за незаконную работу на дому. И так каждый день в двери ей колошматит, все ругается, что та каблучками цокает. Ведь мужа сжила со свету, теперь за соседей взялась. То ей младенчик спать мешает, то каблучками цокают, то батареи холодные. Каждый день жалобы пишет. Вот что значит – на старости без деток и внуков остаться, заняться совсем нечем. Я вот, бывало, с работы еще не пришла, уже внучка звонит – баба, купи булочек. А то и Мишеньку, внука, приносят в колясочке, чтобы присмотрела за ним, пока дочка в больницу со старшей побежала.

Пожилая женщина пустилась в рассказы на свою, видимо, любимую тему – дети и внуки. Но времени терять на дальнейшую болтовню Лев Иванович больше не мог, в отделе ждали задержанные и огромное количество работы. Он окончательно убедился, что сегодняшняя визитерша просто оболгала бедную студентку из зависти или просто из-за склочного характера. Опер шагнул на улицу и вдохнул свежий воздух, стряхнув эту историю, словно снежинку с рукава пальто.

* * *

В отделе Гуров сунул плов на подоконник, аппетит после неприятного эпизода со старухой пропал напрочь, и решил взяться за работу. Он начал допрашивать одного за другим зачинщиков драки с применением ножей. Вызывал в кабинет и беседовал перед тем, как отправить к следователю уже на официальный допрос с занесением показаний в протокол.

Стрелки часов медленно ползли вперед, показывая, что время уже перевалило глубоко за полночь. Перед опером росли пачки страниц с записями, а в кабинете следователя увеличивалась стопка свежих протоколов. Как вдруг внизу что-то грохнуло с такой силой, что и опер, и задержанный подскочили на своих местах. Лев взмахнул наручниками и приковал к батарее молодого узбека:

– Сиди смиренно здесь, – сам же, на ходу взводя пистолет, кинулся вниз. Снова что-то грохнуло, громко закричал знакомый голос капитана Колодина, который сегодня заседал в дежурке. Теперь Лев Иванович был уверен – по звукам понятно, – что внизу идет стрельба. Он приоткрыл дверь из коридора, ведущего от кабинетов к холлу для визитеров перед окном дежурной части. В узкую щель было видно, что в клетке для задержанных сгрудились испуганные люди, Колодин застыл под соседним столом, а по пятаку холла, шатаясь, бродит пьяный мужчина с пистолетом в руках. «Обычный травмат, – оценил оружие Гуров. – Но если попадет в лицо с близкого расстояния, то может и убить».

Пьяный, который с трудом держался на ногах, поднял руку с оружием вверх и выстрелил в потолок. Куда, судя по черным отметинам на белых потолочных плитках, улетели предыдущие две пули.

– Ищите эту суку! – взревел мужчина. – Она у меня два миллиона украла, тварь! Давайте ищите, менты поганые! Я помощник депутата, я вам устрою, всех сгною, если не найдете эту шлюху! Плевать на бабки, я хочу ее наказать, чтобы знала, к кому в карман залезла. Найдите ее! Ну, где все, чего попрятались? Вперед! Искать!

Он повернулся вокруг своей оси, выискивая новую цель, и Гуров увидел его лицо. Молодой мужчина, чуть за тридцать, с мелкими чертами лица. Кашемировое пальто и отглаженные брюки перемазаны уличной грязью, холеная бородка растрепана. Налитые красным глаза с трудом сфокусировались на приоткрытой двери.

– Эй, вы там! Менты! Идите сюда, найдите эту шлюху с моими деньгами! Я приказываю вам!

Дебошир начал поднимать руку для следующего выстрела, когда Лев ударом ноги откинул филенку двери, рукой резко припечатал стрелка в живот и ребром ладони сделал движение вверх, отчего мужчина сначала согнулся, а потом рухнул на пол, завывая от боли в разбитом носу. Ударом ноги опер выбил у него пистолет из руки, перехватил вторую и соединил за спиной, так что пьяный клюнул носом об пол и заорал еще громче, перемежая свою речь отборным матом:

– Я тебя посажу сегодня же. Ты знаешь, кто я? Я помощник депутата Вершинина! Я тебя в порошок сотру! Отпусти, урод! Рука, рука!

– Браслеты, быстрее! – рявкнул Гуров, удерживая елозящее по полу крупное тело.

Колодин кинулся сверху, поймал запястья в металлические кольца и щелкнул замками. С облегчением Лев выпустил руки мужчины, рывком перевернул того на спину. Колодин принахался:

– Странно, вроде пьяный, а почти не пахнет.

Задержанный метался по полу с расфокусированным взглядом и орал во всю глотку:

– Вы что творите, придурки?! Я вас завтра уволю всех! Я помощник депутата, у меня деньги украли! Шлюха украла деньги! Найдите ее!

Гуров потянул его за лацканы щегольского пиджака:

– Ты стрелял в представителей власти и задержан за применение огнестрельного оружия.

Понял?

Только вместо ответа мужчина закатил глаза, по телу прокатилась волна судороги, а изо рта хлынула рвота вперемешку с пеной. Лев сплюнул в сердцах:

– Колодин, вызывай «Скорую». У него приступ или от веществ каких-то накрыло. Тут без медиков уже точно не обойтись.

Когда «Скорая помощь» загрузила все еще конвульсирующего пациента в машину, молодая фельдшер сунула торопливо Гурову документ:

– Вот держите, я быстренько заполнила. Похоже на передозировку наркотиками, сейчас на промывание его, потом врач точнее скажет.

– Угу. – Лев передал лист Колодину: – Оформляй документы, свидетелями опросишь этих, из «обезьянника». Оружие сейчас опишем на выемку – и в лабораторию.

– Еще вот, портфель, – дежурный показал на черную кожаную сумку, что валялась на ступеньках отдела. Он опасливо показал на удостоверение, которое вывалилось наружу и отсвечивало при свете фонарей золотыми буквами «Государственная дума». – А если и правда помощник депутата? Ох тут будет крику!

– Ну тогда вернем пистолет и построимся, чтобы ему стрелять по нам удобнее было, – буркнул Лев Иванович и присел возле вывалившихся вещей. – Ну, давай, Колодин, тащи бумагу и свидетелей, будем описывать все.

Оставшиеся до рассвета часы Гуров писал и писал бесконечные бумаги. Пистолет и вещи стрелка забрал эксперт для осмотра, остальные задержанные затихли в своей клетке.

В отделе наконец воцарилась тишина, лишь сухо трещали кнопки клавиатур, бубнил что-то очередной подозреваемый на допросе у следователя, да у дежурного беспрестанно закипал чайник. Когда за окном посветлело и зашумели первые машины, Гуров почувствовал, как глаза и все тело наливаются свинцовой усталостью. Расслабиться и прилечь на крошечном диванчике, что стоял в комнате для дежурной бригады, он себе не позволил. Лишь снял форменный китель, расстегнул рубашку и с кружкой крепкого кофе уселся за написание отчетов, протоколов и остальной бумажной части работы оперуполномоченного. В какой-то момент сам не заметил, как тяжело склонилась голова вниз, веки слепила дремота, и Лев забылся коротким сном прямо на кипе свежих протоколов.

* * *

Разбудил его звонок телефона для внутренней связи в здании, в трубке голосил перепуганный дежурный:

– Лев Иванович, у нас тут такое! Я из-за двери не выйду! Он сумасшедший, сразу видно. В одну точку смотрит, повторяет все по несколько раз. Я его спрашиваю, а он даже голову не поворачивает.

– Да кто он?

– Мужик! Зашел к нам, огромный такой, сумасшедший! Дергается, чушь какую-то горюдит! Чего делать-то, Лев Иваныч, может, «дурку» ему вызвать?

– Не ори, сам взгляну. – Гуров проверил на всякий случай табельное оружие в кобуре под курткой и бегом спустился вниз.

Сейчас дверь была наполовину распахнута, посередине залитого ярким светом небольшого пятка раскачивался и мычал великан с длинными космами волос, он повторял одно и то же слово глухо, монотонно, будто робот:

– Беда, беда, беда.

На появление Гурова он никак не отреагировал, продолжил раскачиваться и размеренно стонать. Опер обошел великана по кругу: прилично одетый, хоть и в скромную одежду. Длинные, до плеч, волосы растрепаны, глаза застыли в одной точке, а лицо ничего не выражало. Казалось, что странный гость ничего и никого не видел вокруг, весь уйдя в какой-то внутренний мир.

– Мужчина, вы слышите меня? – Он аккуратно, одним пальцем, коснулся рукава куртки необычного посетителя и тут же сделал осторожный шаг назад.

Тот сжался вдруг еще сильнее, так что длинные волосы свесились на лицо, и забормотал новую фразу так же однообразно и уныло:

– Феде страшно, Феде страшно, Феде страшно.

– Черт, – не выдержал этого пугающего бесцветного причитания Гуров. – Что за сумасшедший день! – Он достал телефон из кармана и набрал знакомый номер. – Алло, «Скорая»? Это из Управления угрозыска, прислать можете бригаду психиатрическую на адрес? К нам психический забрел.

Через четверть часа прибыла бригада: «буханка» с парочкой крепких санитаров и с ними пожилой усач. Все это время великан продолжал повторять одну и ту же фразу, отчего даже затихли в клетке задержанные. Дежурный в ужасе отказывался выйти со своего рабочего места за стеклом, то и дело звонил телефон. С вызова вернулась оперативная бригада и топталась у входной двери, но никто не решался зайти внутрь при виде стонущего и качающегося в странном приступе гиганта. Никто, кроме Гурова, он уже несколько раз по кругу обошел мужчину, попытался с ним заговорить, но все оказалось безуспешным.

Врач прибывшей психиатрической бригады при виде страдающего великана хохотнул:

– Это наш пациент, с моего участка парнишка, с 18 лет на учете. Живет здесь, в трех кварталах. Как он из дома добрался до вас? И зачем? Может, мать водила мимо куда, вывеску запомнил, вот сюда и примчался. – Он весело выкрикнул застывшим у двери полицейским: – Да вы не бойтесь, он не опасный. Проходите, он сейчас так и будет как мебель тут торчать и не видит, считайте, никого.

– А что с ним? – поинтересовался Гуров.

– РАС, расстройство аутистического спектра, – пояснил врач и махнул своим ребятам – отбой. – Инвалид он с диагнозом по психиатрии, не реагирует почти на внешний мир. Речь скудная, социализация отсутствует.

– Он же вроде разговаривает... – удивился Лев.

– Сам с собой, может, и разговаривает, а с другими... Сейчас попробую, мать его на курсы все водила, там их приучают к системе знаков, чтобы хоть какой-то контакт устанавливать.

Врач осторожно обхватил ладонью сжатый кулак великана и ровным голосом произнес:

– Все хорошо, Федя, все хорошо. Я врач твой, помнишь? Врач, врач.

Огромный мужчина содрогнулся всем телом, стремительно шагнул и прижался к психиатру, будто испуганный ребенок. Тот похлопал парня по спине:

– Хорошо, хорошо, Федя. Домой сейчас поедешь, к маме. – И пояснил пораженному оперу: – Испуган очень, аж трясется. Вы не смотрите, что такой большой. Он, считай, как годовалый ребенок, отдельные слова понимает, да и те по-своему.

– Зачем он приходил тогда?

– Беда, беда, беда. Полиция, полиция, полиция, – парень зашелся в новом повторе.

Врач пожал плечами:

– Мать, может, научила, чтобы в полицию шел, если что-то случилось. Они запоминают хорошо, память феноменальная, но фрагментарная. Что-то произошло у него. Сейчас успокоится, может, расскажет. Он от света, от людей напуган. Шум, звуки, все непривычное – для него фактор сильного стресса.

– Понятно. – Гуров повернулся к толпе сотрудников: – Давайте по рабочим местам, пока время есть, готовьте протоколы, отчеты. Скоро смену передавать. Ребята, это не цирк, расходимся.

Ему было жалко шокированного гиганта, который оказался испуганным и беспомощным словно ребенок, а они не в силах ему помочь.

Пока сотрудники с опаской обходили странного мужчину, врач что-то тихо ему ворковал, массировал ладони и похлопывал по спине. Тот постепенно затих и теперь стоял молчаливой застывшей горой. Психиатр тихонько кивнул оперуполномоченному – подходи, а сам, не прекращая своих манипуляций, попросил:

– Федя, какая беда случилась? Расскажи мне, что произошло. – И слегка коснулся губ мужчины: – Говори.

Тот, не меняя позы, не отрывая скошенных глаз от одному ему видимой точки, глухо заговорил:

– Федя смотрит каждый день метро. Считает. Один, два, три. Люди идут, Федя считает.

– Он напротив метро живет, – пояснил врач. – Наверное, считает количество пассажиров. Они такое любят, считать, по порядку раскладывать.

– Один! Один заходит в метро в пять, один заходит в метро в пять, пятница, суббота, воскресенье. Заходит, выходит. Один заходит, выходит. Сегодня суббота, один заходит. Суббота, один не выходит. Нет один, нет один. Беда, беда, беда!

Огромными ладонями мужчина сжал руки врачу так, что у того побелела кожа. Психиатр снова принялся успокаивать парня:

– Хорошо, хорошо. Домой скоро Федя поедет.

– Что это значит? Какой-то человек всегда заходит в метро и выходит утром, а сегодня зашел, но не вышел? Это и есть его беда?

Врач со вздохом пожал плечами:

– Скорее всего, да. Любое новшество или изменение для них трагедия. Вот он и пошел в полицию, как мать научила.

Гуров в сердцах развернулся и вышел на крыльцо. Внутри все закипало от злости. Что за сумасшедший день? И совершенно безрезультатный. Неадекватные посетители оккупировали отдел, а он вместо реальных дел выслушивает бред то про логово проституток, то про мифические миллионы у наркомана, то про беду из-за того, что человек с утра уехал в метро по своим делам. Сзади раздался смешок – это врач вышел на крыльцо следом и затянулся сигаретой.

– Сейчас перекурю да домой его доставим. Мать, поди, с ног сбилась, ищет. – Заметив плохое настроение Гурова, он утешил: – Да не переживайте, товарищ полковник, ну бывает. Нам их мир неведом, что там в голове у парня происходит, неизвестно. А для аутиста даже новый цвет штанов – это беда. Хорошо, что к вам в отдел забрел, а не под машину залетел или на хулиганов нарвался. Считайте, что предотвратили будущее преступление, вам хлопот меньше. Так что перекусите, кофейку бахните, чтобы нервишки покрепче были, а то на вас лица нет.

– Да день сегодня сумасшедший и ночь вся такая же, – оперативник выдохнул с облегчением, прав врач, не стоит заводиться из-за несчастного аутиста, который их так всех напугал.

– Бывает, – хохотнул усач. – Уж нам знакомо, поверьте. Иной раз подумаешь, ну что за чертова работа, с дураками возиться. А в отпуске вот сердце за них болит, переживаю, как они там. Все ведь божьи твари, недаром их на Руси юродивыми называли и почитали как посланцев Бога. Иной раз в голове у них чище, чем у обычного человека.

После разговора с врачом Льву стало легче, ведь и правда хотел же отвлечься, умотаться так, чтобы прийти домой и упасть спать, не заходясь в тоске из-за холодной половины кровати, на которой всегда утром сопела уютно Мария. Вот и получай, вселенная устроила в управлении по уголовным делам сумасшедшие сутки, исполняя его желание. Такие, что домой Лев не помнил, как зашел. Прямо в одежде плюхнулся на диван, в последнюю секунду вздрогнул от мысли: «Плов так и остался на подоконнике! Надо будет, как проснусь, сгонять в отдел, а то устроит газовую камеру в кабинете к понедельнику».

Он просыпался еще раз с мучительным ощущением, что еще что-то странное произошло во время дежурства. Какая-то мелочь, которая ускользнула от него в суматохе. Добрел в полусне до кабинета, начеркал сам себе записку на странице раскрытого блокнота и снова уснул, теперь уже на кровати в спальне.

* * *

Ближе к полудню остатки сна разлетелись от звонка телефона, на экране высветилась надпись «Орлов».

– Слушаю, товарищ генерал, – он постарался, чтобы голос был максимально бодрым.

– Просыпайся, Лев Иванович, беда тут у нас приключилась. Полчаса тебе даю, потом звони, побеседуем.

Лев встал, на ходу приходя в себя, а в ушах бился эхом вчерашний крик аутиста: «Беда, беда, беда». Что снова случилось?

Он быстро ополоснулся под холодным душем, чтобы заработала голова, налил из кофеварки крепкого напитка, кинул блокнот с ручкой перед собой и набрал номер Орлова.

Тот со вздохом начал издали:

– Помнишь, вчера вы стрелка пьяного задержали?

– Да, помощник депутата Вершинина, Громов Игорь. Применил пневматическое оружие в здании управления, угрожал сотрудникам полиции при исполнении, оскорблял представителей власти, находился предположительно в состоянии наркотического опьянения, оказывал сопротивление при задержании.

– Это да, тут вы все правильно сделали, что скрутили его. Только сам понимаешь, связи у его начальства большие.

Лев промолчал тактично, хотя и понимал, что, видимо, как и предсказывал дежурный, поднялся большой скандал из-за вчерашнего случая, раз даже генерала побеспокоили в выходной день. Просто Орлов, как обычно, весь удар берет на себя, разбираясь с возмущенным депутатом, Льву же доносит лишь сухие итоги долгих разговоров и возмущений. Поэтому осторожно уточнил:

– Чем могу помочь, Петр Николаевич?

Орлов тяжело вздохнул снова:

– Понимаешь, очнулся он сегодня и по-прежнему утверждает, что у него украли два миллиона. Опоили наркотиками и украли. А Вершинин требует, чтобы ты этим делом лично занялся, кто-то ему напел, что лучший опер в управлении – это полковник Гуров. Вот теперь настаивает на твоей кандидатуре. Пообещал, что никаких претензий, служебного расследования, помощник будет тише воды, но настаивает на твоем участии в розыске похитителя. Я понимаю, что у тебя выходной законный, и так вчера меня выручил и отдежурил сутки, но вот приходится беспокоить. Давай ты в больницу к помощнику этому съездишь, ну, может, еще к депутату в понедельник. Остальным дежурный опер займется или выберу парнишку толкового из тех, кто еще на ногах остался.

Гуров с облегчением выдохнул. Он-то ждал, что сейчас поднимется волна ругани и разборок из-за задержания помощника депутата, придется писать служебки и тратить время на доказывание правильности своих действий. Но его ждет всего лишь новое расследование.

– А кто дежурит сегодня? – оживился Лев.

Он помнил, что утром старший новой оперативно-следственной группы на работу не явился, и ему пришлось передавать дела и документы рядовому оперуполномоченному.

– Крячко с самолета сразу на дежурство пришлось отправить. Сомов на больничном, свалился от вируса этого, будь он не ладен! – В голосе Петра Николаевича сквозило отчаяние, его отдел накрывало второй волной коронавируса, выкашивая каждый день сотрудников болезнью.

– Петр Николаевич, не переживайте, жена пока в командировке, так что я весь ваш. Что еще делать холостому оперу, как не за преступниками бегать.

Голос у генерала мгновенно повеселел:

– Ох, Лев, спасибо, выручаешь весь отдел и меня. Как выкарабкаемся из этого сумасшествия, отправлю тебя в отпуск. Махнете с Машей отдыхать в горы.

За звонком Орлова последовал следующий, от Стаса Крячко, коллеги и давнего приятеля. Он выслушал рассказ о вчерашнем дежурстве и с хохотом констатировал:

– Да уж, сумасшедший денек тебе выдался, Лев. В дурдоме, наверное, день открытых дверей был. Зато я сию зеваю, ты вчера тут такую гору работы своротил, даже мне ничего почти не оставил. На рынок ездили, свидетелей опросили. Прилег на диванчик передохнуть, и глаза сами закрываются. После обеда жена приедет с обедом и формой, я же в чем был, в том и на дежурство заступил. Хорошо, что с утра ни начальства, ни проверок, ни заявителей.

Лев остановил болтовню приятеля:

– Стас, можешь мне из вчерашних протоколов продиктовать адрес больницы, куда отправили помощника депутата этого?

– Подняли тебя все-таки, да? – Крячко зашуршал бумагами в трубке. – Звонил он утром в дежурку, орал, требовал фамилию назвать, кто вчера его Игорька обидел. Я его послал вежливо, тайна следствия.

– Все равно дознались, – усмехнулся Лев. – Теперь хочет, чтобы я украденные миллионы нашел.

– Или потерянные, – снова съязвил Стас, который всегда отличался острым языком. – Игорек прокутил да растерял по кабакам денежки народные, а теперь сказки рассказывает, как бедного мальчика обидели и обманули.

– Вот и узнаем, кто украл и у кого украли, – рассмеялся в ответ Лев.

В беседе с ироничным Стасом любая ситуация представляла в другом свете и казалась совсем уже не такой неприятной, а даже забавной. Поэтому и дружили они много лет, делили кабинет в управлении, дополняя друг друга, словно лед и пламя. Порывистый, общительный Крячко и собранный, часто молчаливый Гуров. Всегда каждое дело они обсуждали друг с другом, хоть в нарушение правил конфиденциальности, но всегда это помогало взглянуть на преступную схему под разными углами, найти новые пути для следствия.

Настроение после переговоров поднялось, поэтому Лев соорудил себе нехитрый холостяцкий завтрак из яичницы, на ходу перелистывая блокнот со вчерашними записями. Задержался с недоумением на одной странице, где списком шло несколько слов:

плов
расческа
метро

Он нахмурил брови, припоминая, что же имел в виду ночью, сонный, записывая, как тогда ему казалось, важные мелочи. С ужином понятно, он помнил про упаковку, которую оставил между рам, как в импровизированном холодильнике. Расческа... Вчера он видел лишь одну, ту, что выпала из сумки Алисы, когда он специально задел ее плечом, чтобы вот так хитростью проверить содержимое.

Лев закрыл глаза и представил вчерашнюю картинку: вот Алиса наклоняется, протягивает руку за расческой, и он успевает рассмотреть ее буквально пару секунд. Красная ручка, черные пластиковые штырьки, широкая и массивная «массажка», практически такую же использует Маша, чтобы прочесать свои густые длинные волосы. Вот только у скромной студентки был мышинового цвета куцый хвостик, а не шикарные локоны. В то время как между зубьев расчески застряли волоски совсем не пепельного цвета, их было много, разных цветов. Сейчас он вспомнил четко – рыжие, черные, белые, кудрявые и прямые, короткие и длинные волосинки сплелись между щетинок на широком ложе. То есть старуха не врала, девушки всех мастей бывали в квартире Баниной, Алиса ему сказала, что это заходят ее подруги, консьержка рассказала о клиентках на маникюр. Но клиентки вряд ли будут расчесываться, используя «массажку» маникюрши. А значит, правда о том, кто же все-таки ходит в квартиру в элитной сталинке, находится где-то между их рассказами. Одно теперь ясно точно: что милая студентка Алиса Банина не так чиста и простодушна, а вчерашнее восторженное восхищение опасной работой оперуполномоченных – всего лишь актерская игра.

С пловом Гуров разобрался быстро. Крячко сочно зевнул в трубку на просьбу убрать забытый ужин с подоконника:

– Давно, как приехал, так и убрал в надежное место. Мой живот – крепость для хранения вкусной еды. Спасибо за заботу, приготовил другу с утра сытный завтрак, так что теперь работать не могу.

По продиктованным Гуровым данным Баниной приятель пообещал добыть информацию об отношениях Алисы с законом. Лев ясно слышал в трубку, как застонали пружины диванчика под Стасом, когда тот встал и с ворчанием пошел к компьютеру, продолжая подшучивать над приятелем:

– А я думаю, чего оттепель такая началась. Это наш Лев решил себе пассию завести. И как настоящий опер пробить все по объекту, судимости и приводе, – он беззлобно подкалывал

друга, зная, как тот трепетно относится к жене даже после долгих лет брака. – Ну как нарою на твою красотку компромата, так наберу.

Наконец можно было выдвигаться в больницу, где приходил в себя помощник депутата Игорь Валентинович Громов, 33 лет, как значилось в справке со «Скорой помощи». Лев натянул легкую куртку, джинсы и кроссовки, так как на улице сугробы превратились в сырую массу из грязи и тающего снега. Машину он оставил на парковке у дома, решив, несмотря на распутицу, прогуляться и потом добраться до больницы на метро, благо все располагалось в получасе ходьбы. По пути он решил зайти и поговорить с матерью вчерашнего больного парня, что забрел в управление с сообщением о беде. Лев понимал, что со стороны это выглядит странно, но ему было искренне жаль перепуганного парня и хотелось убедиться, не приключилось ли у аутиста несчастья дома. Еще ему хотелось понять, неужели все так невинно и просто, как объяснил врач, и парень всполошился всего лишь от нарушения привычного хода утреннего открытия метро. Да, Федор выглядел странным, очень странным, но мог назвать время и количество людей, которые вошли в метро. Да, он всего лишь видел картинку под другим углом, и все-таки тревожную картинку. Потому что Льва смутила одна фраза во вчерашнем рассказе Феде: «Номер один входил и выходил из метро». То есть получается, что этот человек никуда не уезжал. Тогда зачем номер один спускался в метро и поднимался вверх?»

Эти мысли, словно неудобная кровать или колючая одежда, не давали покоя, постоянно всплывая в голове, и Гуров знал лишь один способ избавиться от навязчивого вопроса – лично проверить всю картинку целиком. Тем более можно это сделать по пути в больницу к Громову.

Путь до метро оказался приятным, Лев шел и не замечал ни грязи, ни луж, потому что все полчаса разговаривал по телефону с женой. Маша, которая только проснулась в сотнях километров от него, уютно бормотала, вздыхала и забавно хихикала, рассказывая о вчерашнем спектакле. Потом строгим голосом продиктовала номер рейса и время прилета, чтобы муж встретил ее в аэропорту после выходных. Он знал, что Маша ужасно боится летать, и после полета ей было всегда легче, если в машине на родном плече можно было всплакнуть после перенесенного стресса. Поэтому Лев всегда старался ее встретить, хоть театр и оплачивал актерам такси до дома. От родного голоса у него все внутри сжалось, так сильно он соскучился по жене, и одновременно ликовало от радости, еще совсем недолго – и Мария будет дома! Его унылая холостяцкая жизнь, к счастью, закончится.

Он так замечтался, что чуть не прошел мимо красной буквы «М» у входа в метрополитен. От красного цвета, бьющего в глаза, он опомнился: ему надо вычислить, где живет Федя. Опер покрутился вокруг своей оси, рассматривая дома вокруг. Шумный центр со старыми высотками был даже в субботу многолюден, так как здесь располагались по кругу остановки почти десятка маршрутов, по которым ходили автобусы, троллейбусы, частные маршрутки. Люди словно муравьи сновали, спешили, торопились в разные стороны. Они входили и выходили из подземки, пересаживались на общественный транспорт и следовали дальше по своим делам. Здесь располагались офисы, пестреющие вывесками и рекламными щитами, а также отделения банков, рестораны, забегаловки и кофейни, гостиницы, магазинчики. Но широкие ступени спуска в метро были видны лишь с ракурса единственного дома. Торцом с ровными рядами лоджий дом стоял ровно напротив входа и горячей буквы «М». До третьего этажа включительно каждый балкон пестрел рекламой апартаментов на сутки, и Лев решил, что поиски квартиры, чьи окна или лоджия выходят на шумный проспект, начнет с четвертого этажа.

На звонок входную дверь открыла невысокая крепкая женщина, и опер понял, что попал в цель с первого раза. Ее лицо было женским вариантом внешности вчерашнего странного посетителя, хоть и отличалось живой мимикой. При виде Гурова она виновато уточнила:

– Вы из полиции, да? Из-за Феде? – И, не дожидаясь ответа, начала извиняться: – Простите, что так вышло. Я обычно чутко сплю, всегда прислушиваюсь, вдруг Феде плохо станет или кричать начнет, соседей разбудит. Он рано встает, всегда в 4:30, и рисует тихонько у себя

в комнате, пока я не проснусь. Даже не знаю, что произошло такого, что он сам оделся, открыл дверь и ушел на улицу. Мне так неудобно, что он вас напугал. Простите. Федя совсем не агрессивный, но я понимаю, что из-за внешнего вида и своего поведения выглядит он пугающе. Я еще раз прошу прощения, что недосмотрела за ним.

– Ничего страшного, – успокоил он женщину. – Все в порядке, хорошо, что врач его узнал и помог вернуть домой. Я, собственно, и зашел узнать, все ли у Федора в порядке.

Женщина просияла лицом, ей было приятно, что гость не обвиняет ее в недосмотре за сложным больным, даже, наоборот, интересуется его состоянием. Радость тут же погасла из-за мучившей ее тревоги:

– Федя... он совсем не в порядке, с утра рисует и рисует, очень беспокойный. Даже таблетки не помогли. С его заболеванием такое приключение – жуткий, страшный стресс. От еды отказывается, на меня совсем не реагирует. Говорит без остановки.

– Что говорит? – заинтересовался Гуров.

Мать больного парня спохватилась:

– Вы проходите, простите, что держу на пороге. Мы к гостям не привыкли, к нам только врачи ходят. Даже няню для Федя за столько лет не смогли найти, боятся люди аутистов. Поэтому мне приходится его везде с собой брать, приучаю его самому себе готовить, ходить в магазин. Может, все-таки удастся ему прожить самому после моей смерти без отправки в специнтернат. Пройдите, не разувайтесь, у меня кругом линолеум, с тех пор как Федю к туалету приучали.

От ее бесхитростных откровений Гурова пробрал мороз по коже. Сколько мужества в этой женщине, которая посвятила себя больному сыну, приучая его пошагово к обычному миру. В светлой небольшой комнате, куда его провела хозяйка квартиры, Федор стоял, уткнувшись лицом в стену, и снова твердил свою мантру:

– Беда, беда, беда. Номер один беда, беда, беда.

Все стены в человеческий рост были заняты листами А4 с карандашными рисунками Федора. Гуров не удержался от восхищения:

– Это же настоящая выставка! У него талант! Как все подробно!

Лист за листом Федя воспроизводил картинку за стеклом своей лоджии, повторяя ювелирно каждую мелочь многолюдного пятачка, прорисовывая детально фигурки людей, машины, здания.

Мать грустно кивнула:

– Это для него важно, он просыпается в 4:30 и садится рисовать на лоджии. До 11 утра рисует все, что там происходит. Потом развешивает по часам и дням.

Лев внимательно взгляделся в рисунки, расположенные столбиком. Каждый столбик начинался одинаково одним и тем же кадром: молодой человек в татуировках, с модным хвостиком из длинных волос, шел по безлюдной улице, потом спускался по ступеням в метро; на следующей картинке он уже поднимался обратно к проспекту и удалялся вдаль. А дальше пространство следующей по очереди картинки уже было заполнено толпой людей, которые тоже спускались или поднимались по широким ступеням от распашных дверей метрополитена. Под каждой фигурой стоял порядковый номер из мелких цифр. Татуированный парень неизменно отмечался цифрой «один».

– А где рисунки сегодняшнего дня? – уточнил опер у матери.

Она кивнула на стопку листов на кресле:

– Лежат, он не стал их развешивать. Рисовал, потом все бросил и вышел на улицу, затем его привезла бригада из психиатрии. Это вы уже знаете. Что-то произошло, и он очень расстроен, в его мире сбился привычный ритм.

– Можно я посмотрю?

– Конечно, вот, пожалуйста, – женщина протянула Льву стопку карандашных рисунков, а сама погладила измученного тревогой сына по голове.

Тот никак не отреагировал на ласку, лишь замолчал, не сводя глаз с невидимой точки сбоку. Гуров пролистал рисунки. Снова все те же кадры: татуированный идет по улице, спускается в метро... Но на следующем листе Федя набросал крупными штрихами пустой выход, татуированного не было ни на ступенях, ни уходящего вдаль. Видимо, после того как парень в татуировках не поднялся на поверхность, как делал каждое утро, Федя занервничал и бросился за помощью из квартиры. Гуров попросил мать:

– Я могу с ним поговорить?

– Попробуйте, – та беспомощно развела руками.

Лев подошел поближе к парню, медленно развесил листы в строгом порядке на стене:

– Федя, я из полиции, меня зовут Лев. Ты утром приходил к нам за помощью. Ты хочешь, чтобы мы нашли пропавшего человека? Вот этого человека? С ним случилась беда? – он ткнул пальцем в татуированного на рисунке.

Но больной парень молчал – заторможенный взгляд в пол, окаменевшее лицо, повернутое в сторону. Лев Иванович не сдавался:

– Ты можешь нарисовать его лицо крупно, этого пропавшего человека? Если с ним случилась беда, то я смогу ему помочь, но мне нужен его портрет. Я покажу его лицо и татуировки работникам метро, они скажут, в какую сторону он уехал, или расскажут, что произошло утром.

Федя, не меняя положение, не поднимая глаз, ухватил карандаш со стола и начал быстро-быстро выводить линию за линией на пустом, приколотом перед ним листе. В такт движениям он зашептал:

– Номер один, номер один, номер один.

«Номер один, наверное, потому что мужчина самый первый появляется на улице утром, еще до того как в метро начинает спускаться толпа людей. Федя считает людей, которые появляются на улице, и присваивает им номера», – догадался опер.

За несколько минут под карандашом на листе возник вход в метро, затем на ступенях посреди пустой улицы появился нарисованный мужчина, спиной ко входу, широко расставивший ноги. Крупное скуластое лицо с небольшими щелями глаз, футболка, джинсы, удлиненная стильная парка, длинные волосы собраны в хвостик на затылке, а кисти покрывают татуировки. «Он ведь видел парня и летом, когда у одежды были короткие рукава», – подумал Лев. Вслух попросил аутиста:

– Федя, нарисуй мне, пожалуйста, татуировки этого парня, все, что ты смог рассмотреть. Рисунки на его теле.

Он только закончил фразу, как карандаш заплясал на чистом листе, аутист принялся про-рисовывать отдельные части тела с рисунками на коже. Змея, обвивающая кинжал, две рыбы, что сложились в круг и вцепились друг другу в хвосты, вытянулись на предплечьях; огромный паук с круглым брюхом растопырил свои ноги на шее; на костяшках пальцев расположились ноты.

– Спасибо, Федя, ты мне очень помог.

Парень застыл с карандашом в руках, даже не поворачивая головы в сторону гостя. Казалось, что он никого не слышал и не видел – ни матери, ни оперуполномоченного, но Лев Иванович теперь точно знал, что парень все видит и понимает. Женщина ласково дотронулась до рукава куртки опера:

– Спасибо, что зашли к нам. Кажется, вы его успокоили, перестал кричать и беспокоиться.

Гуров забрал с собой рисунки, распрощался с необычной семьей и направился наконец в больницу на встречу с Игорем Громовым. В метро он, предъявив служебное удостоверение,

расспросил служащую, что следила за турникетами из маленькой будочки. Показал ей портрет, нарисованный Федором, но женщина лишь покачала головой:

– Что вы, тут сотни тысяч людей, разве можно кого-то запомнить. Да и некогда мне на лица смотреть, я на сумки и рюкзаки подозрительные больше внимание обращаю.

– Он один заходит сюда и выходит наружу очень рано утром, когда еще улица пуста, примерно в пять утра.

– Это невозможно, – покачала головой служащая. – Метро открывается для посетителей только в 5:30, а до этого входные двери закрыты.

– Может быть, он заходит самый первый сразу после открытия дверей, – предположил Лев.

Служащая снова возразила:

– Да тут к пяти утра уже толпа стоит, вот поверьте мне. Еще и по дверям стучат полчаса, чтобы открыли пораньше. Правда, у нас с этим строго, хоть и холодно на улице, двери открываем ровно по графику. Ни минутой раньше. Здесь не кафе, чтобы погреться. Автобусы еще не ходят, поэтому уже на первом поезде едут несколько десятков человек, другого варианта у них нет. Если бы был ваш раскрашенный среди них, то тогда запомнила бы. Но точно скажу, не было такого среди первых постоянных пассажиров.

В метро Лев занял свободное место и с головой ушел в размышления под равномерный такт поезда: «Что же делал парень у входа с буквой «М»? Зачем он спускался так рано, до начала работы станции, вниз по ступеням, но никуда не ехал? Проверить банкоматы или кофейные автоматы, открыть киоск с едой? Для этого еще рано, покупателей нет, да и двери со стороны улицы закрыты. От начала спуска до дверей метрополитена ведут вниз 10–12 ступеней, стены выложены плитами керамогранита, никаких ящиков, щелей, где можно что-то спрятать или положить». Он будто детскую головоломку крутил непонятную ситуацию, досадуя на себя, что не может найти разгадку странного поведения парня в татуировках. Поэтому решил, что после больницы пройдет по той стороне улицы, как шел на рисунках Федора каждое утро странный прохожий, и найдет, откуда тот возвращался в такое время. Судя по неформальной внешности и по времени, парень мог быть работником какого-то круглосуточного заведения, расположенного неподалеку. Пятница, суббота, воскресенье – что, если в эти дни он возвращается пешком домой после ночной смены? Так что, скорее всего, работает барменом, официантом или поваром в одном из баров, ресторанов поблизости. Лев открыл карту и внимательно изучил время работы всех кафе, ресторанов, баров, кофеен на широкой улице длиной в три квартала, дальше пяти километров уже не стоит углубляться, слишком большое расстояние, его не стал бы проходить пешком человек после рабочей ночи. Круглосуточных заведений оказалось всего лишь пять штук. «Ну, не так уж много, за вечер этого загадочного гуляку точно найду», – обрадовался опер и поспешил к выходу, приятный голос в динамиках уже объявил его остановку.

* * *

В больнице облаченный в белый халат оперуполномоченный поднялся на второй этаж, где в отдельной палате лежал вчерашний стрелок. При свете дня, без шикарного костюма и пальто, вид у Громова был совсем несчастный. Красные маленькие глазки, редкая щетина, расцарапанные во время падения скулы. Жиденькие волосы висели прядями, не скрывая теперь большую лысину во всю голову, мелкие, напоминающие крысиную мордочку черты лица были искривлены в недовольной гримасе. На вежливое приветствие оперативника он ответил нервным дерганьем головы и сразу нетерпеливо принялся расспрашивать:

– Ну что, зацепки есть? Нашли эту тварь?

– Будут после того, как расскажете всю историю с самого начала. Я так понимаю, вы, скорее всего, знаете, кто украл у вас деньги.

– Скорее всего? – иронично фыркнул чиновник. – Да я точно знаю, кто украл эти деньги. Эта тварь, продажная девка, которая обманула меня, притворилась невинной овечкой, а сама опоила меня какой-то гадостью! Я чуть не умер в этой жуткой больнице, только сейчас убрали капельницу! Денег нет, и не только моих, часть этих денег для закупки оборудования в детский дом, где господин Вершинин является главным спонсором. В конце недели будет торжественное вручение подарков сиротам, приедут журналисты. Разразится жуткий скандал! И все из-за этой дряни!

Гуров подождал, пока мужчина успокоится. Опытный опер точно знал, что после волны гнева начинается новая стадия – мольбы, просьбы о помощи и раскаяние. Чем дольше многозначительно молчишь, тем больше нервничает человек и теряет осторожность, рассказывая факты, которые старался утаить. Так произошло и сейчас, под внимательным взглядом Гурова мужчина заметался по больничной кровати:

– Да-да, конечно, я сам идиот, повелся на всю эту невинность и простоту. Она ведь совсем не похожа на всех этих девиц, что шляются по барам и норовят на халяву упиться в хлам. Студентка медицинского, неиспорченная, натуральная красотка без тонны косметики, и это в двадцать лет, когда у девушек уже брак и развод за спиной, а прицепом идут дети. Я ведь солидный человек, нужна жена для дальнейшей карьеры, только не абы какая, а представительная, чтобы не стыдно было привести на мероприятие, чтобы рот могла открыть вовремя, вовремя закрыть. Я давно такую искал, и когда встретился с Алиной, то сразу понял, что она подходит по всем параметрам: внешность эффектная, если отдать в руки стилистов и косметологов, молодая – можно воспитать ее под себя как надо, скромная – не будет тянуть деньги на свои хотелки!

Лев по-прежнему молчал, про себя удивляясь такому прагматичному подходу к выбору жены. На Марии он женился по огромной любви, даже не думая о ее профессии актрисы и связанном с этим напряженным образом жизни, когда спектакли идут вечером, в выходные и праздники. Его долгий взгляд Громов истолковал по-своему:

– Да-да, я помощник депутата, и женщины, конечно, обращают внимание. Только от этого еще сложнее, они все продажные, меркантильные. Видят во мне лишь кошелек и связи с важными людьми. Так тяжело встретить чистую, умную, красивую девушку, чтобы была не деревенской дурочкой, а приличной, из хорошей семьи, с достойным образованием, здоровая! «Будто про собаку говорит, с родословной и паспортом», – внутренне скривился Лев Иванович. Ему надоело выслушивать рассуждения Громова об идеальной жене помощника депутата.

– Так, это понятно. Лучше расскажите, как и где познакомились с этой девушкой, которая, по вашему мнению, вас обокрала. И что произошло прошлой ночью до того момента, как вы оказались с пистолетом в управлении уголовного розыска. Не забывайте про подробности – имена, время, даты, это все очень важно.

– Ну как познакомились, в приложении, где все знакомятся. Мне понравилась ее страничка, я написал, пригласил попить кофе. Это было в понедельник, всю неделю общались мило, она мне рассказала про семью. Я встретил ее пару раз после учебы и подвез до дома. Ее зовут Алина Прохорова, из профессорской семьи. Студентка последнего курса меда, живет в центре в элитном районе. Я же говорю – образованная, воспитанная. Платила даже сама за себя везде, не тянула из меня подарков или цветов, как они все обычно делают.

– Документы вы ее видели какие-нибудь?

– Да, студенческий. Я вытащил из сумочки и сфотографировал, когда она выходила в дамскую комнату. Попросил из службы безопасности одного товарища нашего проверить девочку, тот подтвердил, что все так и есть – адрес, учеба, родители; не состоит на учете у психиатра и нарколога, нет проблем с законом. Я же запланировал на ней жениться, поэтому должен был убедиться, что девушка без двойного дна.

– Что произошло в пятницу?

– Я решил, что пора бы нам поближе стать, пригласил ее в ресторан «Калейдоскоп». Хорошее местечко, в центре. Мы там посидели полчаса, заказали по бокалу вина хорошего, собирались на прогулку по парку. Наметили, что в воскресенье я приду к ней в гости для знакомства с родителями. Дальше помню плохо, все в каком-то тумане. В такси ехали, кажется, помню какой-то бар или кафе, темно было.

– Алина с вами была?

– Да, я помню, что она была рядом. Но все очень смутно. У меня с собой был портфель с деньгами, не успел положить их в банковскую ячейку. Там было чуть больше миллиона для закупки техники на подарки, сегодня мне предстояло поехать оплатить заказ в магазине, контролировать отправку в детский дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.